

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ АНТОНОВ

аспирант кафедры литературы филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, Российская Федерация)

ton-tan@mail.ru

МАИНА ПАВЛОВНА ЧЕРЕДНИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, Российская Федерация)

maina@list.ru

ФУНКЦИЯ ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ «БЕСПОКОЙСТВО» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Исследуется хронотоп повести А. Н. и Б. Н. Стругацких «Беспокойство». В марте 1965 года, когда повесть уже была написана, авторы решили отложить рукопись и написать новую повесть, известную под названием «Улитка на склоне», сохранив в ней главы, которые касались Леса. Анализ пространственно-временной структуры показывает, что фантастическое начало в повести «Беспокойство» выходит за рамки научно-фантастического жанра и становится приемом, позволяющим со всей остротой высветить опасные тенденции настоящего. В середине XX века Стругацкие создают антиутопию, в которой выявлен вектор дальнейшего развития общества. Условное время космических открытий связано с недавним узнаваемым историческим прошлым. Уплотнение времени, при котором реальное прошлое и настоящее наполнились «творческими возможностями дальнейшего бесконечного реального становления и развития» (М. М. Бахтин), позволило создать произведение, которое полвека спустя оказалось более актуальным, чем в момент написания.

Ключевые слова: хронотоп, уплотнение времени, пространственно-временная структура

Повесть «Беспокойство» была написана в 1965 году, но затем Стругацкие решили переписать ее, и итоговый вариант получил название «Улитка на склоне». Большая часть повести «Беспокойство» с минимальными поправками вошла в «канонический» текст «Улитки на склоне», который впервые целиком был опубликован только в 1988 году. Рукопись «Беспокойства» многие годы хранилась в архиве писателей и была издана только в 1990 году [9]. По признанию авторов, «оказалось, что эта повесть (совершенно самостоятельная, не имеющая сколько-нибудь жесткой идейной связи с романом “Улитка на склоне”) не утратила полностью актуальности и читается так, словно написана была <...> совсем недавно» [9].

Тем не менее повесть «Беспокойство» редко привлекает внимание исследователей. Анализ хронотопа этого произведения позволяет понять, почему авторский замысел, казавшийся незлободневным в 1965 году, оказался востребованным почти столетия спустя.

Важным отличием от «Улитки на склоне» является принадлежность «Беспокойства» к циклу Мира Полудня. В основе сюжета повести «Беспокойство» – столкновение земной цивилизации с цивилизацией инопланетной. Герои «полуденного цикла» часто действуют в соответствии с теорией прогрессорства, считая, что они имеют

право тайно направлять развитие «низших», по их представлениям, цивилизаций.

В повести «Беспокойство» отношения разных цивилизаций представлены как более сложный процесс.

Место действия повести – планета Пандора – воплощение дикой, чужой природы, таинственной и непонятной для землян. Почти всю поверхность Пандоры покрывает Лес, предстающий как некое одушевленное пространство, напоминающее то ли антропоморфное существо, то ли животное. На сравнительно небольшом участке Пандоры располагается База землян.

Пространства Базы и Леса противопоставлены друг другу как две крайние точки вертикали. Пространство Базы точно: оно сосредоточено вокруг высотного здания Управления. Однако это узкое пространство постоянно соотносится с бесконечным пространством Леса.

Первый персонаж, о котором идет речь в начале произведения, – Леонид Горбовский, герой нескольких повестей цикла «Мир Полудня». Он – известный ученый, хорошо знающий разные планеты Полдня. С Горбовским связана целая эпоха освоения этого мира.

В повести «Беспокойство» Горбовскому отведена странная роль: он оказывается на Пандоре без всякой видимой цели. У других персонажей, находящихся на далекой от Земли планете, есть

определенное дело. Персонал Базы объединяет либо исследовательская работа, либо обслуживание туристов, которые прилетают на Пандору охотиться на экзотических животных. Горбовского отличает отсутствие видимой цели, которая могла бы объяснить его появление на Базе.

Первая ситуация, связанная с Горбовским, метафорична: человек, сидящий на краю пропасти, в недрах которой скрывается лиловый туман Леса, бросает вниз камешки, словно пытаясь вступить в контакт с неведомым миром.

Земляне прилетают на Пандору в поисках сильных ощущений, испытывая свое бесстрашие и мастерство стрелков. Их бесшабашность вызывает тревогу у Горбовского: *«Слишком стало все определено, слишком все уверены»* [6; 67]. Рефлексия этих персонажей связана с главным философским вопросом повести: существуют ли моральные ограничения при принятии научных проектов, которые со временем могут привести к разрушению земной цивилизации и уничтожению человечества? В отклике от многих современников Горбовский считает, что научные открытия, умножающие самоуверенность людей, постоянно ищущих контакта с внеземными цивилизациями, ставят под угрозу существования само человечество.

В изображении самоуверенных, не знающих сомнений землян сквозит авторская ирония. Плакатные портреты этих героев представляют собой стилизацию популярных научно-фантастических произведений, которые выпускались большими тиражами в 50–60-е годы¹.

Стилизация популярной научной фантастики в изображении героев используется тогда, когда Стругацким важно показать уязвимость массового сознания, связывающего безусловный прогресс с научно-технической революцией. Ощущения Горбовского создают резкий диссонанс на фоне уверенного спокойствия сотрудников Базы. Горбовский – единственный из землян, кто вышел на границу с Лесом как «чужим» пространством (для землян пересечение границы не является поводом переосмыслить картину мира, так как они воспринимают все пространство как «свое»).

Лес для землян – объект научного изучения, *«но если он воюет с другими разумными существами, вопрос из научного <...> становится моральным <...> а мораль сама по себе, внутри себя не имеет логики, она нам задана до нас»* [6; 195]. Для Горбовского это не праздный философский вопрос, а проблема, которую он *«пережил в фантазии»* и убежден, что она скоро возникнет перед человечеством реально, поскольку *«лес... еще заговорит»* [6; 196].

Предошущение тяжелейшего для человечества выбора, мыслью о котором живет Горбовский, реализуется в судьбе Атоса-Сидорова, с которым связана вторая сюжетная линия повести. Вертолет Атоса потерпел катастрофу. Боль-

шинство людей, находящихся на Базе, уверены, что космонавт погиб. Леонид Горбовский напряженно вглядывается сверху в неизвестную глубину Леса, тогда как Атос оказывается внутри лесного пространства.

Пространство Леса дискретно: есть места, где сохранились вымирающие деревни, они окружены живой, непонятной природой, постоянно угрожающей жизни людей. По замыслу авторов, рядом с уходящими в прошлое крестьянскими общинами располагается новая *«прогрессирующая цивилизация <...> биологическая цивилизация женщин»* [8]. Женщины овладели сложнейшими биотехнологиями, они научились жить на суше и в воде и сумели поставить себе на службу таинственные природные явления Пандоры, став хозяевами планеты. Мужчины им не нужны, так как женщины размножаются *«партеногенетически»*. Однополая цивилизация ведет себя агрессивно по отношению к людям, живущим традиционным укладом. Так в повести *«Беспокойство»* на одном горизонтальном пространстве сталкиваются прошлое и будущее, остатки человеческой цивилизации, в некоторых чертах напоминающей земную цивилизацию конца XX века, и новой цивилизации, основанной на изменении человеческой природы.

Сюжетная линия, посвященная Атосу-Сидорову, связана с пространством некой деревни, которая находится в глубине Леса. Крестьяне, живущие в лесу, нашли и приютили раненого Атоса. Бытовые приметы деревенского пространства, описанные в повести, хорошо знакомы русскому читателю 60-х годов прошлого века. Утварь в домах ограничивается глиняными горшками, из одного горшка едят пищу все обитатели дома. Улицы деревни быстро зарастают высокой травой. Есть здесь площадь, где происходят собрания. Организуют собрания староста и землемер. Речь, которую произносит староста, невразумительна и непонятна не только слушателям, но и ему самому. За пределами деревни располагается поле, где крестьяне сеют и собирают урожай.

На небольшом расстоянии есть другие деревни: «грибная», в ней «никто уже не живет», поскольку она заросла несъедобными грибами, и «чудакова», жители которой – «чудаки», делают горшки из глины. Однако за этими реалиями знакомого крестьянского быта существует подтекст, важный для понимания художественной логики повести. В изображении крестьян писатели используют фольклорные реминисценции. Неподобность Атоса на жителей деревни крестьяне объясняют тем, что кто-то нормальную голову у него отрезал и приставил чужую. Такая ситуация представляется им вполне возможной.

Подобно сказочным пошехонцам, крестьяне смутно представляют себе пространство за пределами деревни. Дорога, по которой им при-

ходило ходить, связана с практическими нуждами. Пространство, не связанное с конкретным знанием, не воспринимается деревенскими жителями как реальное.

Сознание крестьян лишено причинно-следственных связей. Попытка собеседников Атоса рассказать о дороге в Город сводится к бесконечной кумуляции с упоминанием близлежащих мест: Тростники – Муравейники – Новая деревня – Глиняная поляна. Так сказочные пошехонцы, идущие в Москву, не замечают, как возвращаются домой в Вятку [5; 338].

Таким образом, тип мышления крестьян сродни особой «дурацкой логике» (В. Я. Пропп) героев сказок о глупцах. Атос устает от бесконечных, бестолковых разговоров с деревенскими жителями. Но так же, как сказочные персонажи, крестьяне добры и бескорыстны. Они спасли Атоса и Наву, дали им жилье, при этом ничего не требуя взамен.

Говоря о глупцах бытовых сказок, Ю. И. Юдин пишет, что одно из свойств этих героев – «отгороженность, отторженность от обычного течения жизни, бытовых норм и отношений, состояние “не от мира сего”» [10; 127]. Эта особенность и создает комический эффект в народной сказке.

Однако в контексте повести Стругацких отгороженность крестьян от внешнего мира приобретает трагический характер. Крестьяне, некогда связанные с этим миром, становятся отверженными. В «Комментариях к пройденному» Б. Н. Стругацкий пишет: «Когда нужен был хлеб, они были нужны. Научились выращивать хлеб без крестьян – про них забыли» [8].

Пространство деревни замкнуто, «отгорожено» от большого пространства планеты Пандора. На границах этого пространства время от времени появляются опасные обитатели Леса – «воры» и «мертвяки». И те и другие враждебны крестьянам, поскольку похищают женщин. Но они враждебны и друг другу. При этом воры – такие же люди, как сами крестьяне, но живущие разбойным промыслом.

Мертвяки – антропоморфные существа, отдаленно напоминающие людей. Они изображаются как нечистая сила народных демонологических рассказов.

Однако страшные существа повести не синонимичны мифологическим персонажам народных быличек и бывальщин. Мертвяки – биороботы, способные по приказу женщин, ставших хозяевами Леса, беспрекословно выполнять любое их требование.

В контексте традиционной народной культуры причины появления того или иного демонологического персонажа всегда могут быть объяснены. Мертвяки и их поведение не вписываются в картину мира, привычную для деревенских жителей, и потому особенно страшны. Появление

мертвяков на пограничье деревни подчеркивает уязвимость ее пространства.

Время деревенских жителей ограничено монотонно повторяющимся суточным циклом. По инерции крестьяне сеют и убирают урожай, по инерции возят его на Глиняную поляну, как делали это когда-то. Но урожай уже никому не нужен, и его привозят обратно. Сами крестьяне тоже легко обходятся без урожая: съедобны лесные побеги, в некоторых местах съедобна даже земля, одежда вырастает на грядках. Традиционный крестьянский труд утратил свой исконный смысл, и жизнь деревенских жителей превратилась в унылое прозябание. Таким образом, сказочные реминисценции в повести Стругацких не имеют ничего общего с оптимизмом сказки, поскольку приобретают в контексте произведения прямо противоположный смысл.

О прошлом крестьяне не помнят, о нем напоминают лишь невнятные реплики старика-обжоры. В ворчании старика постоянно повторяется одно и то же слово: «нельзя». Слово лишено конкретного смысла, и сам старик не способен объяснить, что именно он имеет в виду. Старик вспоминает, что когда-то от деревни шла тропинка, по которой он часто ходил «на дрессировку», теперь на этом месте – заросли. Былая социальная функция старика проясняется, когда он выражает готовность пойти вместе с Атосом в Город: «в Город мне надо для того, чтобы свой родовой долг исполнить и все обо всем кому следует рассказать...» [6; 57]. Оказывается, когда-то старик был «стукачом», и его привычка ходить из дома в дом объясняется не только ненасытным голодом. Однако в настоящем и «стукач» никому не нужен.

Старик осуществлял связь деревни с внешним миром в прошлом. В настоящем эта связь поддерживается через Слухача. Слухач – зомби, ретранслятор неких идей, которые не понятны ни самому Слухачу, ни его слушателям.

Однако то, что непонятно крестьянам, понятно читателям – современникам Стругацких. «Отдельные фразы» из бессознательной «передачи» Слухача – хорошо знакомые идеологические клише из ежедневных радионовостей об очередных битвах за урожай на «трудовых фронтах» Советского Союза. Узнаваемость этих клише создает в повести иронический подтекст: «На фронте южных земель в битву вступают новые... <...> победного передвижения... Большое разрыхление почвы на северном направлении временно прекращено... Во всех деревнях... большие победы... усилия... новые отряды подруг... завтра и навсегда спокойствие и слияние» [6; 45–46].

Таким образом, идеологическая риторика XX века остается актуальной для новой цивилизации на Пандоре. Разница лишь в том, что речь идет не о битве за новый урожай, а о «борьбе на

всех фронтах» [6; 53] со старым традиционным укладом крестьянской жизни, под натиском разрушительного «прогресса».

Атос не знает, сколько времени он провел в деревне. Поль Гнедых в разговоре с Горбовским, вспоминая о нем, говорит, что Атос-Сидоров погиб «давно». Для самого Атоса время слилось в череду однообразных дней, не имеющих точного временного измерения. Каждый день в деревне – это бесконечно повторяющиеся разговоры героя об его уходе.

Неопределенность времени, проведенного в деревне, выражается в слове, которое Атос повторяет ежедневно: «послезавтра». Это слово повторяется неделями, но состояние героя остается неизменным.

Движение сюжета связано с одним из дней, когда герой, наконец, находит в себе силы выйти в путь. С этого момента все события происходят в Лесу. Из одного чужого для него пространства Атос попадает в другое, не менее чужое. Через преодоление чужого герой надеется обрести свое пространство, которое он утратил. Путешествие через Лес соотносится со сказочно-фантастической традицией, на что обращали внимание исследователи творчества Стругацких (см. [4; 107–108]). В отличие от сказочного сюжета герой проходит через испытания не в поисках невесты (Нава – «жена»-подросток сопровождает его в Лесу), а в поисках пути домой, на Базу.

После выхода героя из деревни время заметно ускоряется за счет динамики происходящих событий. Движение сюжета, как в сказке, определяется действиями героя. Атос вынужден либо отражать нападение воров, либо спастись от их преследования. Но опаснее воров оказывается само пространство Леса, таинственное, страшное, непредсказуемое пространство.

Е. М. Неелов отмечает, что у Стругацких «темный таинственный лес» является «героем повести» [4; 107]. Лес – субъект, «негуманоидный разум», влияющий на поведение и физическое состояние людей. Лиловый туман – некая живая субстанция, лишаящая человека воли. Это – неизвестная энергия Леса, которую женщины-хозяева Пандоры научились использовать в своих целях.

Ситуация временной остановки в пути, когда Атос и Нава попадают в «странную деревню», является особо значимой для понимания авторского замысла. С одной стороны, целый ряд мотивов этой части сюжета типологически близок сказке: ночь в Лесу, дом (вернее, антидом), куда попадают герои, переплетение сна и яви и, наконец, бегство героев. Пространство «странной деревни» изображается как чужеродное, опасное для обычного человека. Особенно остро это чувствует Нава, жизнь которой была связана с деревенским укладом. Ее настораживает отсутствие запахов живой деревенской жизни и

«мертвая тишина» на улице. У встреченных людей не видны лица, странный и непонятный язык, на котором они говорят. Во всех домах на полу лежат спящие мужчины. Во время ночлега сами герои ощущают дремотное состояние полусна-полуяви. В традиционной культуре отсутствие запахов, обморочный сон, «молчание, тишина являются проявлениями эзотеризма сферы смерти» [3; 126].

«Странная деревня» – действительно мертвая зона. Но исчезающая здесь жизнь – результат чудовищного эксперимента, который производится по воле женщин – представительниц «прогрессирующей» цивилизации. В домах «все спящие были мужчины. Не было ни одной женщины, ни одного ребенка» [6; 103].

В повести «Беспокойство» события, происходящие в «странной деревне», окутаны тайной, смысл которой до конца не понятен ни герою, ни читателю. В доме, где Атос с Навой остановились на ночлег, происходит мистическая встреча с Карлом, которого все считали погибшим. Атос идет следом за Карлом из дома, и в этот момент из плоского здания напротив раздается «громкий откровенный крик боли» [6; 106]. У дверей странного строения Атос видит Карла и Валентина, в их разговоре он слышит «полужнакомое слово “хиазма”» [6; 108].

При дальнейшей работе над текстом, редакция которого стала частью повести «Улитка на склоне», события страшной ночи проясняются благодаря нескольким новым деталям. Впервые, появляется более подробное описание спящих в домах мужчин. «Кожа у него (спящего. – М. Ч.) была влажная и холодная, как у амфибии, он был жирный, мягкий, и мускулов у него почти не осталось» [7; 162]. Эта деталь повторяется несколько раз. «Все спящие были жирные потные мужчины» [7; 163].

Наутро, перебирая в памяти события минувшей ночи, Атос, профессиональный биолог, вспоминает слово «хиазма» – медицинский термин, связанный с особой формой перекреста хромосом². Атос догадывается о характере операций, происходивших в странной и страшной деревне. Жирные больные мужчины – жертвы насильственной стерилизации. Скальпель, неизвестным образом оказавшийся в руке Навы, вызывает воспоминание о том, что Карл был хирургом.

Мысль о Карле возникает в сознании героя и при встрече с «хозяевами» планеты – женщинами-«амазонками». Главная из них («беременная женщина») с чувством превосходства и высокомерия говорит о землянах как о людях, которые «все время набивают себе головы бесполезными знаниями» [6; 159–160]. И вдруг Атос слышит слова о том, чему накануне стал невольным свидетелем: «Вчерашнее испытание... показало, что они кричат от боли в тех же случаях, что и любой мужчина...» [6; 160]. Так герою

окончательно открывается причина страшного ночного происшествия.

По мере преодоления трудной дороги от деревни до Города происходит расширение внутреннего пространства героя. Находясь в деревне, Атос не может ни о чем думать. В пути у него внезапно вновь появляется утраченная способность к умозаключениям. Преодоление инерции деревенской жизни становится импульсом постепенного возрождения интеллектуальной и духовной энергии. Желание найти Город, чтобы узнать, как попасть на Базу, в результате пройденного пути перестает быть только прагматической задачей. Перед Атосом как ученым постепенно встают проблемы философского характера. Одна из этих проблем связана с необходимостью найти и понять *«источник разумной деятельности»* [6; 148], от которой зависит жизнь и смерть людей на Пандоре. В сознании Атоса возникают разные версии ответа на этот вопрос. Однако встреча с «амазонками» убеждает героя в том, что именно они определяют суть происходящих на планете событий. «Амазонки» защищены от опасного влияния лилового тумана, способны исправлять ошибки животворящей стихии Леса, избавляя его странную фауну от больных и немощных особей. Атос становится свидетелем такой «чистки» Леса. Однако при общении с «хозяевами» он понимает, что они высокомерно считают «ошибкой» людей, образ жизни которых не вписывается в их представления о прогрессе. «Чистка», исправление «ошибок» предполагает не только изменение фауны, природного рельефа планеты, но и жестокие эксперименты на живых людях с последующим их уничтожением. Для читателей Стругацких такого рода идеи не представлялись фантастическими, поскольку определяли хорошо известные реалии земной жизни в XX веке. Слово «чистка» для современников писателей было связано отнюдь не с абстрактным понятием.

Таким образом, идея «прогрессорства», жестокого и беспощадного, в повести «Беспокойство» связывается с существами новой цивилизации, угрожающей существованию человечества.

Перед героем повести встает вечный философский вопрос: возможно ли оправдание прогресса любой ценой, прогресса, обрекающего на гибель людей, которых сильные мира *«считают лишними, жалкой ошибкой»* [6; 185]. Решение вопроса лежит не в научной плоскости, а в сфере морали. Здесь находится точка пересечения двух сюжетных линий повести «Беспокойство». Мучительная проблема, которую Горбовский не раз «пережил в фантазии», определяет реальную судьбу Атоса. Горбовский предполагает, что Лес «еще заговорит» [6; 195]. Атос уже знает, о чем «говорит» Лес на языке новой цивилизации.

Кольцевая композиция сюжетной линии, связанной с судьбой Атоса-Сидорова, позволя-

ет в полной мере понять изменения внутреннего пространства героя. Первоначально дорога героя к Городу – это дорога к Базе, а значит, к спасению. Испытания, встреча с «амазонками», расставание с Навой – все это приводит Атоса к переоценке событий, участником которых он стал. Чужой мир деревни, из которой в начале повести Атос стремится уйти, становится для него своим миром, где его спасли, выходили и обласкали. Трогательная верность и смелость Навы, которую он потерял, доброе отношение к нему деревенских жителей определяют выбор героя, означающий противодействие прогрессу «на каком-то крошечном участке его фронта» [6; 185]. Обратный путь Атоса – путь к самому себе и обретение дома, который нуждается в спасении, невозможном без его помощи. По словам героя, *«здесь выбирает не голова, здесь выбирает сердце»* [6; 186].

Время событий, происходящих в глубине Леса (так же, как и событий на Базе), – приблизительно три дня. С момента бегства героя из центра новой цивилизации, символизирующей исторический «прогресс», никаких внешних событий не происходит. Развязка сюжета связана с событиями внутреннего пространства героя, с его переживаниями и размышлениями. Система нравственно-философских координат двух последних глав повести переводит ее в символический план (см. [6; 217]).

Б. Н. Стругацкий, говоря об истории создания повестей «Беспокойство» и «Улитка на склоне», пишет о том, что в главах, посвященных событиям в Лесу, *«ситуация слилась с концепцией»* [8]. 30 апреля 1965 года в дневнике писателя появляется «фундаментального значения» строчка: *«Лес – будущее»* [8]. Эта концепция, художественное осмысление которой состоялось уже в работе над «Беспокойством», кардинальным образом меняло временную структуру повести. В едином пространственно-временном континууме оказываются одновременно и интеллигент, умница, ученый Леонид Горбовский, испытывающий беспокойство за судьбу человечества, утратившего инстинкт самосохранения, и циничные самонадеянные хозяйки Леса, и вымирающие крестьяне.

Уплотнение времени, при котором реальное прошлое и настоящее наполнились *«творческими возможностями дальнейшего бесконечного реального становления и развития»* [1; 232], позволило создать произведение, выдержавшее испытание временем. Почти полвека спустя повесть «Беспокойство» оказалась более актуальной, чем в момент ее написания. В середине XX века Стругацкие создают антиутопию, в которой выявлен вектор развития, определивший реальное, тревожное будущее время XXI столетия, вызывающее *беспокойство* за судьбу человечества у современных читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: Казанцев А. П. Внуки Марса // Мир приключений. Книга седьмая / Отв. ред. А. Н. Стругацкий. М.; Л.: Детгиз, 1962. С. 3–80; Мартынов Г. С. 220 дней на звездолете. Л.: Детгиз, 1955. 216 с.
- ² Через хромосомы происходит «передача признаков и свойств организма от поколения к поколению (наследственность)» [2; 873].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Русские словари», 2002. 960 с.
3. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в культуре славян / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Изд-во «Индрик», 1999. С. 123–134.
4. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 252 с.
5. Сказки: Кн. 3 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1989. 624 с.
6. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Беспокойство. Донецк: Изд-во «Сталкер», 2004. 222 с.
7. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Улитка на склоне. М.: АСТ, 2009. 301 с.
8. Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-04.htm>
9. Стругацкий Б. Н. Несколько слов о повести «Беспокойство» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/STRUGACKIE/bespokoj.txt>
10. Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка. М.: Изд. центр «Академия», 1998. 256 с.

Antonov A. V., Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation)
Cherednikova M. P., Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation)

CHRONOTOPE FUNCTIONS IN ARKADY AND BORIS STRUGATSKYS' NOVEL "DISQUIET"

A chronotope of the novel "Disquiet", written by Arkady and Boris Strugatsky, is studied. In March of 1965, when the book was already finished, the authors decided to put aside the manuscript and write a new story called "Snail on the Slope". Chapters from the book "Forest" remained unchanged. A thorough analysis of the story's spatio-temporal structure shows that a fantastic beginning of the novel "Disquiet" goes far beyond the frames of science fiction genre. Eventually, it turns into a method instrumental in highlighting the most dangerous tendencies of the present. In the middle of the twentieth century, Strugatsky created a dystopia, which defined a particular direction of the society's subsequent development. The relative time of space discovery is associated with the recently recognized historical past. Concentration of time (when the real past and present are filled with "creative opportunities of further infinite reality formation and development") provided an opportunity of creating a book, which became even more relevant half a century after the time it was written.

Key words: chronotope, concentration of time, spatio-temporal structure

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism [Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma]. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of Creative Discourse]. Moscow, 1979. 424 p.
2. Bol'shoy illyustrirovannyi slovar' inostrannykh slov [Large illustrated dictionary of foreign words]. Moscow, 2002. 960 p.
3. Nevskaya L. G. Silence as an attribute of the sphere of death [Molchanie kak atribut sfery smerti]. Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v kul'ture slavyan [The world sounding and silent: The semiotics of sound and speech in the culture of the Slavs]. Moscow, 1999. P. 123–134.
4. Neelov E. M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki [Fairy-tale roots of science fiction]. Leningrad, 1986. 252 p.
5. Skazki: Kn. 3 [Tales: Book 3]. Moscow, 1989. 624 p.
6. Strugatskiy A. N., Strugatskiy B. N. Bespokoystvo [Disquiet]. Donetsk, 2004. 222 p.
7. Strugatskiy A. N., Strugatskiy B. N. Ulitka na sklone [Snail on the Slope]. Moscow, 2009. 301 p.
8. Strugatskiy B. N. Kommentarii k proydennomu [Comments to the traversed]. Available at: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-04.htm>
9. Strugatskiy B. N. Neskol'ko slov o povesti "Bespokoystvo" [A few words about the story "Disquiet"]. Available at: <http://lib.ru/STRUGACKIE/bespokoj.txt>
10. Yudin Yu. I. Russkaya narodnaya bytovaya skazka [Russian household folktale]. Moscow, 1998. 256 p.

Поступила в редакцию 03.09.2013